

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА**

DOI 10.34685/NI.2024.55.13.003

Горлова Ирина Ивановна

доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Email: ii.gorlova@gmail.com

Зорин Александр Львович

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Email: zoral150@mail.ru

Аннотация. В настоящее время все большее число гуманитариев приходит к выводу, что Россия стоит перед необходимостью перехода к новой парадигме развития, в которой культуре отводится решающая роль. Именно это определяет необходимость проведения научно обоснованной и последовательной культурной политики, органично увязанной с главными целями и задачами, стоящими перед Российским государством. В последнее десятилетие создается новая, адекватная современным реалиям модель государственной культурной политики, в выявлении концептуальных основ которой состоит цель проводимого исследования. Для определения ее особенностей авторы считают необходимым проанализировать предшествующие модели, относящиеся к периоду позднего социализма и времени либеральных реформ. Устанавливается, что существенным пунктом различия этих двух моделей является роль государства в формировании и проведении культурной политики. Делается вывод, что новая модель вбирает в себя позитивные моменты двух предшествующих моделей посредством трансформаций, понимаемых как снятие в гегелевском смысле, а не полное и радикальное перечеркивание. Этим определяются возможности и границы деятельности государства в сфере культуры.

Ключевые слова: культурная политика, государство, концептуальные основы, духовно-нравственные ценности, модели культурной политики, трансформации.

В настоящее время все большее число гуманитариев приходит к выводу, что Россия стоит перед необходимостью перехода к новой парадигме развития, в которой культуре отводится решающая роль. Все чаще высказывается мнение, что модернизация всех сфер жизни российского общества возможна лишь при глубоком понимании культурных особенностей страны, тесно связанных с ее цивилизационным кодом. Именно это определяет необходимость проведения научно обоснованной и последовательной культурной политики, органично увязанной с главными целями и задачами, стоящими перед Российским государством. В этом смысле важной составляющей формирования культурной политики в любой стране, в том числе и России, являются политические факторы: существующая геополитическая ситуация, соперничество элит на международной арене, борьба за жизненно важные ресурсы. В то же время социокультурные аспекты и специфика менталитета народа оказывают существенное влияние на политический курс, проводимый руководством государств. За последние четыре десятилетия Россия прошла тернистый и извилистый путь, включающий в себя Перестройку, развал Советского Союза, становление новой российской государственности в условиях постоянно усиливающегося противостояния с Западом, которое в последние годы вылилось в военное столкновение на Украине.

Сложившаяся ситуация требует укрепления сплоченности и единства многонационального российского народа, готовности защищать страну от экспансии извне, противостоять западной «мягкой силе» в

области культуры, образования и воспитания. Этому как раз и должна служить модель государственной культурной политики, создаваемая в последнее десятилетие. В выявлении ее концептуальных основ состоит основная цель проводимого исследования. Но для их более глубокого понимания важно провести сопоставление новой находящейся в процессе становления модели с моделями, доминировавшими в поздний советский (80-е гг.) и либерально-демократический периоды (90-е гг.) прошлого века. Будучи непримиримыми антиподами друг друга, они лишали преемственности разные исторические этапы прошлого России, отрицали накопленный годами опыт предшествующих поколений, стремясь механически перенести на российскую почву чуждые менталитету большинства народа западные модели.

Согласно нашей гипотезе, особенность разрабатываемой в последние годы модели состоит, говоря гегелевским языком, в том, чтобы создать некий синтез, т.е. учесть и взять на вооружение наиболее значимые позитивные моменты двух предыдущих моделей, соединив тем самым прошлое и настоящее с прицелом на будущее, традиции и новации в развитии культурной жизни России.

Для дальнейшего проведения исследования важно, прежде всего, четко определить смысл понятия «концептуальные основы» культурной политики, которым оперирует современная наука.

Начнем с того, что концептуальное обновление современной культурной политики Российской Федерации требует отхода от ее узко ведомственного понимания как сферы управления культурно-образовательными учреждениями и расширения самого смысла понятия культура, под которой следует подразумевать всю совокупность свойственных обществу в целом или какой-то социальной группе ценностей, верований, традиций, находящих свое непосредственное выражение в образе жизни народа, в создаваемых им литературе и искусстве.

Развернутое же определение культурной политики одним из первых на рубеже XX и XXI вв. дал А.Я.Флиер, который подразумевал под нею «совокупность идеологических принципов и практических мер, осуществляемых через образование, просветительские, досуговые, научные, религиозные, творческие, издательские, коммуникационные, социально-организационные и иные государственные и общественные институты по всесторонней и углубленной социализации и инкультурации населения» [16, с. 187]. В этом определении важно подчеркнуть идею многосубъектности, согласно которой культурная политика страны формируется и реализуется не только государством, но и многочисленными социальными группами, и прежде всего творческими союзами и организациями, в деятельности которых находят свое отражение инициативы, идущие «снизу», со стороны гражданского общества.

Эту же мысль проводит в одной из своих статей Д.Клиш, который подчеркивает, что культурную политику «не следует рассматривать как прерогативу правительства, ибо она зависит от многих окружающих факторов, государственных ведомств, а также институтов гражданского общества и различных групп людей» [6, с. 274]. Это, можно сказать, широкое понимание культурной политики, если рассматривать ее в ракурсе плюрализма субъектов, что является общепринятым в современном общественном сознании. И в то же время хочется поставить под сомнение утверждение, что культурная политика не является прерогативой государства, поскольку греческое слово *politike* означает не что иное, как искусство управления государством, а значит, ее формируют и проводят прежде всего соответствующие государственные органы. Поэтому многие исследователи по умолчанию используют термин «культурная политика» вместо «государственная культурная политика».

Это четко прослеживается в трактовке указанного термина в одной из статей С.С.Загребина, где под культурной политикой автор подразумевает «систему базовых приоритетов государства, закрепленных в нормативно-правовых документах, направленных на сохранение и развитие национальной культуры, реализуемых в государственных программах и проектах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях» [5, с. 18]. Таким образом, на наш взгляд, следует разделять понятия «культурная политика» (вообще), о которой пишут прежде всего либерально настроенные авторы, и «государственная политика в узком смысле слова, где решающая роль отводится государству и его структурам. Именно ее развитие за последнюю четверть века, нашедшее свое выражение в государственных документах федерального уровня, будет находиться в центре внимания нашего анализа.

Что касается понятия «концептуальные основы», то оно достаточно полно и разносторонне разработано в научных трудах О.Н.Астафьевой, которая трактует их то как «ценностно-смысловые основания, которые определяют ориентиры культурной политики», то как «ценностно-смысловые параметры порядка в социуме», то как «идеальные ценностно-смысловые и символические конструкции, скрепляющие образ бытийности людей в пространстве их совместного проживания», то как «духовно-смысловые ценности» [2, с. 10, 11, 21, 23]. В целом источником концептуальных основ могут стать: 1) философско-культурологические идеи научного или философского характера; 2) концепты, разрабатываемые в рамках теорий управления, самоорганизации и модернизации; 3) идеологемы («идеологические идеи») декларативного характера, не достигшие научного уровня.

О.Н.Астафьева выступает также сторонником многосубъектности культурной политики, утверждая, что к концептуальной разработке ценностно-смысловых оснований культурной политики могут быть причастны разного рода общественные объединения и политические партии, являющиеся выразителями интересов отдельных групп и предлагающие свои собственные подходы к регулированию социокультурных процессов. Но их деятельность должна быть увязана «с центральной интегративной функцией государства» [2, с. 21]. Именно такой подход к культурной политике, по мнению ученого, позволит органично сочетать поддержку культурного разнообразия в стране с возможностью сохранения ее социокультурной целостности. Выявление сущностной роли государства в формировании культурной политики позволяет О.Н.Астафьевой определить суть государственной культурной политики, которая, в ее трактовке, выступает «концептуально оформленной совокупностью научно обоснованных взглядов и принципов, соответствующих определенным ценностно-смысловым основаниям, целям и приоритетам, соответствующим типу государства» [2, с. 19]. И коль скоро государственная культурная политика с изменением типа (или модели) государства претерпевает определенные модификации, это позволяет произвести анализ трансформаций, осуществляемых в концептуальных основаниях культурной политики, исходя из целей и задач, стоящих перед политическим руководством страны на том или ином этапе ее развития.

Существует большое количество типологий, рассматривающих модели культурной политики в зависимости от специфики подходов к определению стоящих перед нею целей и задач, основных механизмов реализации, а также прогнозируемых результатов. Одни исследователи кладут в основу создаваемых ими типологий социостатические и социодинамические характеристики самой культуры (А.Моль), другие в качестве критерия рассматривают характер политического устройства государства (М.Драгичевич-Шешич). Следует отметить, что вторая позиция встречается в работах отечественных гуманистариив более часто. Ими отмечается, что важными элементами формирования культурной политики в любой стране, в том числе и в России, являются политические факторы. Отсюда и модели развития культуры и культурной политики оказываются напрямую связанными с определенными историко-политическими периодами развития страны. Во второй половине XX в. их было два – советский, начавшийся еще в 20-е гг. после образования СССР, и либеральный, охватывающий 90-е гг. прошлого столетия и первое десятилетие нынешнего.

Отличительными чертами советской модели можно считать наличие в сфере культуры единой административно-командной системы, что определялось доминирующей ролью коммунистической партии, под неусыпным и постоянным идеологическим и кадровым контролем которой осуществлялось управление культурными учреждениями. Советское государство в качестве главного и по сути единственного субъекта культурной политики создало жесткую вертикаль управления, которой беспрекословно должны были подчиняться все нижестоящие инстанции. Сама организация культурной сферы осуществлялась по принципу «центр – периферия», где центру отводилась роль генератора стратегических целей и создателя ценностей, норм и образцов, которые периферия должна была неукоснительно и безропотно усваивать и воплощать в жизнь. Такая всеохватывающая организационная система, лишенная обратной связи, требовала наличия жестких административных структур, получивших в социологической литературе название механистической бюрократии. Это влекло за собой постоянный рост административного аппарата, выполнявшего функции анализа, планирования и контроля систем стандартизации и формализации в области культуры.

В то же время надо отметить, что культурная политика рассматривалась советским руководством в качестве одного из важнейших видов деятельности, на что указывают принятые им сразу же после революции декреты, указы и распоряжения, касающиеся газет, издательств, библиотек и школ. Это

доказывает, что уже с первых лет своего нахождения у власти «партия большевиков стремилась контролировать все институты, участвующие в формировании образа мыслей народа» [1, с. 26].

В 1950-е гг. институциональный уровень культурной политики, возглавляемой ЦК КПСС с его отделами идеологии и культуры, уже играл решающую роль во всех сферах культурной жизни СССР, ибо на проходящих партсъездах не только обсуждались самые общие вопросы организации и регулирования культурной сферы, но и принимались решения относительно деятельности и творчества отдельных писателей и поэтов, музыкантов и художников, театральных деятелей и режиссеров кинофильмов. Партийные функционеры бесцеремонно вмешивались в деятельность руководителей Союза писателей и других творческих союзов СССР. Подобные подходы влекли за собой неизбежные негативные последствия.

Проводимая культурная политика неуклонно требовала все больших ресурсов, эффективность использования которых постоянно снижалась. Зачастую решения принимались без учета специфики развития регионов, по заранее заданному шаблону, что, помимо неэффективного распределения ресурсов, приводило к неудачам при решении проблем, касающихся развития человеческого потенциала отдельных краев и областей. Не поощрялась или игнорировалась любая культурная деятельность, если она проводилась за рамками государственных культурно-просветительских учреждений.

Навязываемые сверху решения и управленческие стереотипы препятствовали формированию новых и более эффективных моделей управления культурой. Система ценностей и культурных приоритетов так же, как было отмечено выше, внедрялась на централизованной основе: «Следствием нарастания унификации культурной деятельности стало то, что вместо реальной управляемости происходящими в обществе культурными процессами налицо была лишь ее видимость» [4]. Одним словом, советская модель культурной политики, в которой государство выступало в качестве монопольного источника, интерпретатора и хранителя всей ценностно-нормативной сферы, оказалась крайне неэффективной и требующей высоких затрат. Пытаясь втиснуть процесс развития культурной жизни в прокрустово ложе идеологических догм, она препятствовала естественному развитию культур народов, населяющих СССР, создавала препоны для ведения плодотворного диалога между ними, вела к грубым деформациям культурной жизни, которые порой становились причиной острых кризисных ситуаций.

Последнее десятилетие XX в. стало для России временем перехода от советской к либеральной модели общественного устройства. Либеральные реформы, проводимые в экономике и политике, основывались на принципах свободы и демократии как основополагающих ценностях, привнесенных в Россию с Запада. Исходной точкой для ведения культурной политики в это время становятся положения новой Конституции РФ, принятой в 1993 г., где утверждался отказ от всякой официальной государственной идеологии: «Государству стало не до культурной политики и не до механизмов ее воздействия на человека, поэтому произошел захват частным сектором и западными производителями как бы ничьей территории» [13]. Сложив с себя полномочия, касающиеся формирования национальной идеологии, Российское государство осуществило тем самым самоустранение из сферы культуры и волей-неволей предоставило иным акторам по собственному усмотрению действовать в области социокультурных отношений. Вакуум, образовавшийся в отечественной культуре, был немедленно заполнен низкопробной западной продукцией, нашедшей на российской почве новый рынок сбыта. «Неопределенный политико-правовой статус культуры как системы учреждений, создающих культурные блага, и механизмов их функционирования в национальной экономике predetermined неустойчивость государственных институтов, регулирующих деятельность в сфере культуры» [7, с. 572].

С.С.Загребин выделяет в культурной политике постсоветского периода три этапа развития. Первый этап, охватывающий 1991–1998 гг., был нами проанализирован выше. И надо сказать, что, несмотря на все его негативные стороны, положительным моментом можно считать возникновение многосубъектности в сфере культурной деятельности. В это время «основными субъектами культурной политики стали учреждения культуры и искусства и наиболее активные представители творческой интеллигенции» [5, с. 18]. Однако получив свободу от политических препон, они посчитали возможным снять с себя и всякие этико-эстетические ограничения, в результате чего рынок был наводнен произведениями, имеющими низкий художественный уровень. Театр и кинематограф изобиливали работами, в которых изображались в основном негативные самопроявления человека, во всех

подробностях смаковались сцены насилия и жестокости, а главными героями становились маргинальные слои общества. В результате такого рода свобода оказалась пагубной для развития отечественной культуры.

Второй этап развития культурной политики в России, согласно С.С.Загребину, охватывает 1999–2006 гг. Переход на рыночные рельсы в ходе либеральных реформ, в конечном счете, привел к пониманию культуры как сферы услуг, а культурных ценностей – как товара. Это было зафиксировано в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» в ред. Федеральных законов от 23.06.1999 N 115-ФЗ, где, с одной стороны, фигурирует понимание культуры как сферы свободы и даются правовые гарантии для «свободной культурной деятельности», а с другой – сами культурные блага трактуются как «услуги, предоставляемые организациями» культуры, «другим юридическим и физическим лицам для удовлетворения своих культурных потребностей» [9]. Испытывая на себе мощную коммерциализацию и вестернизацию, культура и искусство в России все больше утрачивают свои гуманитарные функции в обществе, непосредственно срастаясь со сферой шоу-бизнеса и индустрии развлечений. Анализируя состояние дел в области культурной политики в начале 2000 гг., О.Н.Астафьева совершенно справедливо отмечает следующее: «Специфика сферы культуры попросту игнорировалась, культура перестала фигурировать в официальных материалах как самостоятельная область преобразующей деятельности людей» [2, с. 23].

Неслучайно поддержка культуры со стороны государства в этот период год от года сокращалась. Неуклонно ослабевала роль центральных и региональных органов исполнительной власти в руководстве культурной жизнью страны. В конечном счете, такая ситуация привела в культурной политике государства к формированию двух диаметрально противоположных установок: с одной стороны, утверждалась идея невмешательства государственных органов в сферу культуры и в творчество ее создателей; с другой же, приходило осознание того, что лишённые поддержки государства (прежде всего финансовой) культура и искусство обречены, если не на вымирание, то на жалкое прозябание. Старая административная модель руководства культурой в новых экономических условиях себя изжила, ощущалась необходимость перехода от директивных методов управления к более демократичным, включающим в себя элементы партнерства и наличие обратной связи.

Третий этап развития культурной политики, завершающий период либерального реформаторства, относится к 2007–2014 гг. В начале он был связан с принятием Правительством РФ Федеральной целевой программы «Культура России» на 2006–2010 гг., где пути решения назревших в культуре проблем сопрягались прежде всего с активизацией «механизмов рыночной экономики» и созданием институтов «государственно-частного партнерства». Однако после знаменитой «Мюнхенской речи» Президента РФ В.В.Путина, в которой перед западной элитой открыто было заявлено о существовании у России собственных национальных интересов, ситуация начала коренным образом меняться. В 2009 г. была утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», где одной из существенных угроз объявляется коммерческая массовая культура, насаждаемая Западом, подвергаются критике попытки исказить историю России, ее место и роль в мировом историческом процессе. Именно в этом документе впервые в постсоветский период осуществляется признание «первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации...» [12]

Таким образом, перед российской научной общественностью и органами государственной власти в начале 2010-х гг. настоятельно встала проблема осмысления и формирования нового образа культуры и новой модели культурной политики. Возникла сложнейшая задача – определить оптимальное соотношение творческой свободы и самореализации людей с системой цивилизованного государственного управления, которое не должно было бы «подавлять самоорганизацию и не потворствовать ее девиантной направленности, а всемерно развивать общественно значимую самоорганизацию» [8, с. 222]. Необходимо было преодолеть «узкий», или ведомственный, подход к пониманию самой культуры, закрепленный в то время в законодательно-правовой базе государства. Культура должна была предстать как самоценность и как незаменимый ресурс и источник устойчивого развития территорий. Под культурой подразумеваются не лозунги и не призывы; ее, по мнению О.Н.Астафьевой, в широком значении следует понимать как «репрезентирующие фундаментальные смыслы человеческой жизнедеятельности когнитивные образования, выстраивающие ценностные иерархии» [3].

Коренные изменения в связи с этим должны были произойти и в понимании культурной политики, основанной на идее многосубъектности, что требовало пересмотра основных принципов взаимодействия государства с другими субъектами, действующими в социокультурной сфере. При этом государству отводилась основная роль в формировании и проведении политики в области культуры. Эта политика должна быть направлена на поддержание культурного разнообразия на территории страны при одновременном сохранении ее социокультурной целостности. В качестве наиболее действенного способа концептуализации предлагается диалог, в основе которого лежит приверженность ценностям свободы, равенства и социальной интеграции; а сама «диалогоориентированная направленность» обеспечивается специальным инструментарием, основанным на использовании проектно-программного метода, а также методов прогнозирования и моделирования межкультурных коммуникаций.

На основе этих установок и проведенных дискуссий был создан документ, задавший основополагающие ориентиры в разработке культурной политики на последующее десятилетие. Внешне он имел вполне традиционное название «Основы государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808 [10], но по своему внутреннему содержанию был во многом новаторским. Уже во введении в нем заявляется, что Россия является страной великой культуры, обладательницей огромного культурного наследия и многовековых культурных традиций. Именно культура, если рассматривать весь ход тысячелетней отечественной истории, хранила и передавала из поколения в поколение духовный опыт многонационального российского народа и обеспечивала его единство, воспитывала чувство патриотизма и национальной гордости. С учетом всего этого, государство, принимая настоящие Основы, «впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» [10]. В такой трактовке, когда культура становится ценностным ядром дальнейшего социального развития страны, сама культурная политика перестает быть экономикоцентричной или политикоцентричной, и становится культуроцентричной. Поэтому неслучайно ее основными целями объявляются: 1) «сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; 2) передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; 3) создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; 4) обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам» [10]. Культурная политика в приданной ей в Основах трактовке обретает поистине всепроникающий характер, поскольку помимо всех видов культурной деятельности охватывает еще социальные и гуманитарные науки, образование и воспитание, межконфессиональные и межнациональные отношения и т.д. Все это требует повышения ее статуса с ведомственного и даже межведомственного «до общенационального уровня».

События последних лет, связанные с усилением конфронтации с Западом, осуществляющим свою экспансионистскую политику на Украине, заставили Россию отстаивать свои национальные интересы посредством проведения Специальной военной операции. В результате произошел окончательный цивилизационный разлом между Западом и Россией и поворот последней на Восток. Сложившаяся в начале 20-х гг. геополитическая ситуация потребовала дальнейшей корректировки культурной политики Российского государства. Поскольку западные лидеры не раз демагогически заявляли, что борьба с Россией на Украине ведется за ценности демократии и свободы против авторитарных режимов, российскому руководству потребовалось четкое ценностное размежевание с Западом, который в последние годы помимо того, что ведет безумную гендерную политику и всячески поощряет транс- и гомосексуализм, открыто пропагандирует ценности ЛГБТ сообщества, постоянно стремится принизить роль России в мировом историческом процессе и выставить ее в качестве оккупанта Европы в годы Второй мировой войны. Достойным ответом на это стал Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В нем Президентом РФ ставятся две фундаментальные задачи: во-первых, «укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности», а также «межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей», и, во-вторых, «сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории» [14]. В пункте № 4 этого документа представлено развернутое определение понятия «традиционные ценности» и, кроме того, дается их перечень. В него, помимо зафиксированных еще в Конституции РФ от 1993 г.

таких понятий, как «достоинство», «права и свободы человека», входят и иные: например, «патриотизм», «гражданственность», «служение Отечеству», особенно актуальные в современную эпоху.

Другим важным документом, вышедшим за последние три года, стал Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808» [15]. В его текст вносятся такие значимые изменения, как положение о том, что культура России – столь же важное ее достояние, как и находящиеся на ее территории природные богатства; что государственная культурная политика есть деятельность, осуществляемая органами публичной власти в тесном сотрудничестве с гражданским обществом; что одной из приоритетных целей современной культурной политики государства является формирование гармонично развитой личности, руководствующейся в своем поведении традиционными российскими духовно-нравственными ценностями; что брак – это добровольный союз мужчины и женщины, а не двух однополых существ; и, наконец, что культурный суверенитет является неотъемлемым атрибутом независимого государства, не позволяющего подчинить себя внешнему диктату; и предстает он как «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния...» [15]

Последним документом, имеющим пусть и косвенное отношение к культурной политике, являются «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», утвержденные Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. N 314. Здесь подчеркивается, что Россия – это «великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие» [11]. В этом определении и следа не осталось от либеральных мечтаний о «вхождении в Запад», от рассуждений о Европе от Лиссабона до Урала и от прочих идеологических постулатов горбачевско-ельцинского «нового мышления»; четко прописывается, что Россия территориально есть Евразия, во многом ментально и духовно отличная от Европы, находящейся под диктатом США. Это обусловлено тем, что основу самосознания российского общества определяют «традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности», которые формировались и развивались на протяжении всей тысячелетней истории России и которые позволяют ей в настоящее время выживать и побеждать в трудной и непримиримой борьбе с Западом. Разные исторические эпохи развития России значительно отличаются друг от друга, но в то же время они составляют единое целое, и в этой связи важно учитывать преемственность, существующую между ними, что не всегда было свойственно как советской, так и постсоветской либеральной историографии. И этот принцип преемственности должен быть краеугольным камнем современной культурной политики, что осознается уже не только многими исследователями, но и политиками.

Согласно новой модели, государственная культурная политика осуществляется органами публичной власти при активном участии институтов гражданского общества, т.е. государство играет в ней существенную роль, но не является доминирующим; основным способом взаимодействия между государственными структурами и общественностью становятся не спущенные сверху директивы, а отношения партнерства, в котором соблюдается баланс интересов разных субъектов при решении общих задач по укреплению общегражданской идентичности, сохранению единого культурного пространства, обеспечению межнационального и межрелигиозного мира и согласия в Российском государстве. В последних федеральных документах особо подчеркивается, что государство должно делегировать часть своих полномочий в области управления культурой институтам гражданского общества. Для ведения эффективной работы создается специальный координационный орган, который призван заниматься разработкой стратегических подходов в сфере культурной политики.

Подводя итоги, можно отметить, что за последние полвека государственная культурная политика России, которая в юридическом плане стала правопреемником СССР, претерпела существенные изменения, касавшиеся прежде всего ее концептуальных оснований, которые базировались сначала на марксистской идеологии, затем на либеральных идеях, заимствованных на Западе (кстати, марксизм тоже берет свое начало оттуда), пока не пришло осознание того, что политику в области культуры надо начать формировать на собственных социокультурных и ценностно-смысловых основаниях. Коль скоро первые две модели (административно-командная, созданная большевиками, и либерально-демократическая) были по своей сути радикальными (потому что их адепты нарочито отрицали все

ранее созданное до них и полностью его перечеркивали), то не могло быть и речи о какой-то их (моделей) трансформации: они просто отбрасывались как неудовлетворительные. Иное дело – формирующаяся в настоящее время модель, в которой культура возводится в ранг национальных приоритетов, а ядром концептуальной основы становятся проверенные веками духовно-нравственные ценности, которые делают Россию особым государством-цивилизацией. Эта новая модель как раз и создается в ходе трансформации, под которой подразумеваются не просто изменения или преобразования, а то, что Гегель называл «снятием», т.е. отказом от того, что не выдержало проверки историей, и удержанием и сохранением того, что содержит в себе позитивные моменты предшествующих моделей. Только таким образом, достигается преемственность в ходе исторического процесса, а прошлое соединяется с настоящим и будущим.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва по теме «Практики культурной жизни полиэтничных регионов России и проблемы формирования общегражданской идентичности», номер государственной регистрации: 124012800530–4.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аймермахер, К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917 – 1932 : монография. – Москва : АИРО, 1998. – 204 с.
- [2] Астафьева, О. Н. Культурная политика. Лекции. – Москва: Изд-во РАГС, 2010. – 70 с.
- [3] Астафьева О. Н. Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия // Государственная служба. – 2014. – № 1(87). – С. 71-78.
- [4] Востряков, Л. Е. Проблема выбора оптимальной модели культурной политики России // Superinf.ru : [сайт]. – URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3502 (дата обращения: 24.10.2024).
- [5] Загребин, С. С. Культурная политика в постсоветской России 1991-2015 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. Исторические науки, – 2015. – Т. 15. № 4. – С. 18-23.
- [6] Клиш, Д. Культура, управление и регулирование // Культурология: от прошлого к будущему : сб. науч. ст. / отв. ред. К.Э. Разлогов. – Москва: Рос. ин-т культурологии, 2002. – С. 274-294.
- [7] Козлова, М. А. Культурная политика Российской Федерации в 2000-2014 годах: состояние и векторы трансформации // Устойчивое развитие российских регионов: экономическая политика в условиях внешних и внутренних шоков : сб. материалов XII Междун. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 17-18 апр. 2015 г. – Екатеринбург: УрФУ, 2015. – С. 571-580.
- [8] Кравченко, С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности : монография. – Москва: Изд-во МГИМО-Университет, 2012. – 306 с.
- [9] Основы законодательства Российской Федерации о культуре, в ред. Федеральных законов от 23.06.1999 N 115-ФЗ // КонтурНорматив : [сайт]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=459110> (дата обращения: 24.10.2024).
- [10] Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. N 808) // Гарант : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/70828330/> (дата обращения: 24.10.2024).
- [11] Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утвержденные Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. N 314 // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 24.10.2024).
- [12] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 24.10.2024).
- [13] Токарева, Ю. В. Концептуальность культурной политики России: сравнительный анализ советского и постсоветского периода // Аналитика культурологии : [сайт]. – URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/727-concept-of-cultural-policy-russia-comparative-analysis-of-soviet-and-post-soviet-period.html> (дата обращения: 24.10.2024).
- [14] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : официальный сайт. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 24.10.2024).

[15] Указ Президента РФ от 25 января 2023 года № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. N 808» // Гарант : [сайт]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/> (дата обращения: 24.10.2024).

[16] Флиер, А. Я. Культурология для культурологов : Учеб. пособие. – Москва : Акад. Проект, 2000. – 496 с.

TRANSFORMATION OF THE CONCEPTUAL FRAMEWORK STATE CULTURAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Gorlova Irina Ivanovna

D. in Philosophy, Full professor, Director
of the Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar)

Zorin Alexander Lvovich

D. in Philosophy, Full professor,
Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar)

Abstract. *Currently, an increasing number of humanitarians are coming to the conclusion that Russia is facing the need to move to a new development paradigm in which culture plays a decisive role. This is what determines the need for a scientifically sound and consistent cultural policy, organically linked to the main goals and objectives facing the Russian state. In the last decade, a new model of state cultural policy, adequate to modern realities, has been created, the purpose of the research is to identify the conceptual foundations of which. To determine its features, the authors consider it necessary to analyze the previous models related to the period of late socialism and the time of liberal reforms. It is established that the essential point of difference between these two models is the role of the state in the formation and implementation of cultural policy. It is concluded that the new model incorporates the positive aspects of the two previous models through transformations, understood as a withdrawal in the Hegelian sense, rather than a complete and radical crossing out. This determines the possibilities and boundaries of the state's activities in the field of culture.*

Key words: *cultural policy, state, conceptual foundations, spiritual and moral values, models of cultural policy, transformations.*

© Горлова И.И., Зорин А.Л., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.10.2024.

Ссылка на статью:

Горлова, И. И., Зорин, А. Л. Трансформация концептуальных основ государственной культурной политики Российской Федерации в первой четверти XXI века. – DOI 10.34685/ИИ.2024.55.13.003. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 14-22. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/670.html&j_id=62.